

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ТЕНИ ВЕЧЕРНЕГО МЕГАПОЛИСА	5
Глава 2. НЕНАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК	34
Глава 3. ТВОРЧЕСКИЙ ПОДХОД	59
Глава 4. ЗА КУЛИСАМИ	84
Глава 5. ВЫХОД НА СЦЕНУ	101
Глава 6. ГОЛОСА ПРОШЛОГО	151
Глава 7. КЛЕТКА С ТИГРОМ	191
Глава 8. ВСЕ ФИШКИ — НА «ЗЕРО»	225
Глава 9. ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОДАРОК	250
Глава 9.1. КРАСНАЯ-КРАСНАЯ КРОВЬ	295

ГЛАВА 1

ТЕНИ ВЕЧЕРНЕГО МЕГАПОЛИСА

От станции Донгбей до парка Наньху законопослушный гражданин любого уровня добирался минут за двадцать. Чаще всего — по прямой и светлой в любое время суток улице Цзию, наслаждаясь красочным и шумным окружением, но при этом не забывая поднимать глаза на полицейских, караулящих на каждом углу. И если налоги были уплачены, запись в полицейской базе чиста, а под плащом не скрывалось оружие, то на лицах под зеркальными забралами расплывались дружелюбные улыбки. А как иначе — кооперация во все времена считалась смягчающим обстоятельством. У копов даже могло пропасть желание пырнуть гражданина мериллом, чтобы сверить со сканом левой сетчатки — или сразу целого лица, если оно не было закрыто маской, — генный профиль, выхваченный за пару секунд из капли крови. Им и так всё было понятно про жизнь этого кусочка мяса в социальной мясорубке. Но гражданин, нисколько не обиженный таким мнением о себе, о своём проживании

на десяти квадратах и работе с шести до шести ровно шесть дней в неделю, всегда возвращал улыбку пронизательным служителям закона. Это значило, что теперь они почти друзья и уважали друг друга даже больше, чем пара индивидов, которые прожили в официальном браке лет пятьдесят...

Я же собиралась пойти более кривой и тёмной дорогой. Не только потому, что не горела желанием заводить друзей, моё гражданство давно просрочено, и личный терминал прошит местами незаконным программным обеспечением: до встречи с Мамашей Бао оставался почти час, а воздух был напоен ароматами раскалённого асфальта, жареного риса и ультрафиолетовых ламп. Делить эти запахи и простор ни с кем не хотелось — я и так не часто выбиралась в центр.

Натянув пониже капюшон толстовки, я свернула во дворы и стала петлять между высоток, которые сверкали хромом и бронированным стеклом. Всё находящееся выше рекламных экранов и неоновых вывесок названий пекарен, кафешек, магазинов и офисных зданий терялось за пеленой смога: не было видно даже красных заградительных огней на крышах и снующих туда-сюда дронов-доставщиков.

У видеокамер и сканеров, даже здесь натятых в каждую цель, оставалось не так много слепых зон. И поскольку класть голову на монорельс лиш-

ний раз — это не бунт, а тупость, мой путь, полный хаоса, но не разрушений, состоял в основном из попыток не наступить на очередного попрошайку. Их было так много, что под ними — кряхтящими, ползущими, бормочущими — даже не проглядывал асфальт... Будто дно коробки с мучными червями, продаваемыми на развес. Я хорошо знала этот социальный слой, и хотя они давали мне пройти без всяких проблем — видимо, с ходу решив, что взять с меня нечего, — всё равно их недолюбливала. Из зависти, конечно: у всех тут рассевишихся было бессрочное гражданство. Большинство получили его на заре поголовной выдачи биопаспортов как пострадавшие в аварии на постройке второй АЭС в провинции, остальные — в результате реформы списка гражданских статусов лет десять назад. А ещё им подыгрывала теория вероятностей: шанс, что полицейские докопаются до кого-то из них, а не до меня, стремился к нулю.

Попрошайки с деловитым видом готовились к окончанию рабочего дня в офисах, чтобы начать легонько хватать сотрудников за полы одинаковых плащей (зелёный — хит сезона), заглядывать в усталые глаза и просить подкинуть несколько юаней на терминал, протянутый трясущейся рукой. Эти древние машинки размером почти в половину ладони отличались вандалостойкостью и вполне себе годной защитой от хакинга. Ну или никто не же-

лал иметь с ними дел из-за кривой архитектуры. Очень давно они пропали из ассортимента даже самых неразборчивых барыг, но потом резко появились, когда их стали выдавать в Министерстве Гражданских Дел в обмен на подпись в документе, что отныне твой социальный статус понижается до «сверхнизкого» и никогда больше не изменится — ни в плюс, ни в минус. То есть гонку за гражданством ты заканчивал на самом распоследнем месте, но с утешительным призом — бесплатным терминалом и правом замены вводно-выводных устройств на более новые, если такие когда-нибудь появятся на складах.

Вскоре для любого, умел залезать в исходный код, стало делом чести хотя бы раз упросить «сверха» дать пошаманить над его машинкой и наловить лишних транзакций на роскошный обед вам обоим. Но потом, конечно, вернуть всё как было и подчистить следы взлома, иначе «сверх» прямо с ближайшей ежеквартальной проверки в Министерстве отправлялся на принудительные работы на совсем уж неопределённый срок. А улица никогда ничего не забывала и вообще не понимала шуток. Её возмездие порой случалось так быстро, что незадачливый хакер уезжал с попрошайкой в соседнем вагоне; хотя поймать сладкую парочку могли и во время еды, то есть для некоторых тот роскошный обед оказывался последним всё

по той же теории вероятностей, согласно которой примерно из сотни шалунов кто-то обязательно должен быть наказан.

Но мне везло, и все три моих захода на терминалы «сверхов» оказались удачными. Настолько, что после окончания университета, когда я рассталась с неплохой машинкой, выданной в учебной части, — предварительно удалив с неё все модификации — зачем-то купила себе эту древность. И пользуюсь до сих пор, хотя воспоминание о том, как мы с Сидом в четыре руки заливали расширение для внутриглазного импланта, не предусмотренное даже в теории, до сих пор заставляет болеть мои провода. Перепрошивку и сбивание серийных номеров под микроскопом на каждом из сотни микрочипов, с которыми Сид отказался помогать, я вообще закончила на чистой силе упрямства.

Уж не знаю, что заставило меня так бороться за возможность сделать её рабочей — судя по качеству сборки, даже производитель не особо старался — ведь у последнего барыги за эти же деньги нашёлся бы терминал получше. Наверное, ностальгия по сложным, но полным открытий временам моей прогерской юности. А именно — отрезку между тем, как я написала своё первое «Hello World!», а эта машинка только вышла и смотрела на меня из каждой рекламы, и тем, как подрулила к выбранному «сверху» с дерзкой просьбой, и тот

согласился. Пускай и не сразу — сначала он послал меня так искренне, что весь следующий день, сидя за школьными уроками, я размышляла над этой речевой загогулиной.

Самые расторопные офисные сотрудники уже шли напролом в сторону метро, и через несколько минут их должно было стать в разы больше, поэтому я машинально свернула во всегда немногочисленный переулок Чанчуньского Технологического. За те три года, что моя нога здесь не ступала, здание и территория университета совсем не изменились — только на единственный вход в заборе из частой решётки смотрело ещё больше камер. Фонтан в центре двора всё так же поблёскивал в свете ультрафиолетовых ламп. Ещё на моём втором курсе они стали добавлять туда УФ-краску для выявления всяких любителей поплавать. Конечно, сперва это дало обратный эффект, почти на месяц породив среди студентов новый тренд, который остановило только ужесточение правил отчисления. Но хорошо, что в день оглашения результатов вступительных экзаменов краски ещё не было, ведь я тогда, примчав за два часа до назначенного времени, от души в этом фонтане умылась. И сейчас я — индивид, которому опять не сиделось дома, — опять рисковала сотворить какую-нибудь херню и привлечь внимание камер, но хотя бы проскочила час пик у метро.

Впереди уже виднелся парк Наньху: судя по деревьям с отчасти пожелтевшими листьями — уходящий и безветренный, но готовящийся к наступлению осени. Всю прошлую неделю шли проливные дожди, а сегодня выглянуло солнце, да так, что не просто высушило — почти расплатило асфальт. Я не представляла, как Мамаша Бао пережила эту погоду и как это сказалось на её бизнесе, но надеялась, что всё будет в порядке.

Сразу четыре улицы, которые вдруг переставали петлять среди высоток и устремлялись к озеру в центре парка напрямик, будто реки, всё равно сперва пересекали улицу Гунно. Она волновала меня больше остальных, потому что камер и сканеров нового поколения здесь натывали особенно щедро, но, ещё дома взвесив за и против, всё же выбрала её, надеясь затеряться среди празднично шатающихся индивидов. Но этого оказалось недостаточно: даже стоя в толпе на светофоре, я перетерпела особо наглую попытку сканирования, которая, к счастью, успехом не увенчалась — это я поняла по яркому ощущению, будто ледяной палец тычет мне в левый глаз.

Наконец зажёгся разрешающий сигнал. Я, не вынимая рук из карманов толстовки, чтобы не было видно движений пальцев, вызвала свой терминал и отключила вообще всё, кроме связи с вводными перчатками и внутриглазным имплантом, и запу-

стила программу искажений. На границе видимости слева побежали цифры, отсчитывающие мои сорок пять секунд условной безопасности. Я гордо выпрямилась, со вкусом поправила широкие прозрачные очки, имитирующие в моём образе стандартные выводные, и так миновала десятки камер, сканеров и пятерых полицейских, которые — готова поклясться — меня даже не заметили. Так что, сверкая идиотской улыбкой (к счастью, скрытой за модной тканевой маской, которая тоже помогала смешиваться с толпой), я на последних секундах искажений забежала в парк.

Моё сердце стучало как у припадочной, и пришлось сбавить шаг. Я впервые запустила эту программу на полную катушку. Она сработала выше всяких похвал, но это могло оказаться только самовнушением и удачей, поэтому я поборолла желание сесть прямо тут и просмотреть логи, чтобы не скомпрометировать легенду законопослушной гражданки, гуляющей в парке после работы. Я не представляла, как выглядела на записях и сканах продвинутых устройств, — для домашних тестов Сид собрал мне откровенные середнячки, — но, судя по реакции копов, всё работало. Правда терминал, закреплённый на предплечье под одеждой, нагрелся больше ожидаемого.

Впереди показался резной горбатый мостик, перекинутый через один из множества искус-

ственных притоков озера, полных совершенно чёрной воды. К берегу жались высушенные стебли отцветших лотосов, шушукаясь о чём-то своём; цепочки отражённых на поверхности воды уличных огней тянулись к его центру, но, приблизившись, затухали, будто испугавшись чего-то, спрятанного на дне. На самом же мостике фотографировалась весёлая компания лишь немногим старше меня — наверняка будущие студенты, узнавшие о зачислении. Проскользнув между ними так, чтобы не попасть на снимки, я оказалась на узкой дорожке, ведущей в глубину парка. Сверившись с картой — на этот раз у меня были только примерные координаты палатки — я пошла вперёд.

Вскоре до меня, даже через маску, донёсся чудесный аромат. Глянув на часы — пора! — я устремилась на запах. В темноте аллеи под остриженными деревьями, едва ли спасающими от жары и уж тем более от дождя, приютилась небольшая торговая палатка в форме кубика. Алые стены с драконами, традиционные фонарики над прилавком и густой пар, валивший из-за него, скрывали единственную работницу и хозяйку — госпожу Бао. Каждый день палатка стояла на новом месте, будто прячась от людей в и так не маленьком парке, но здесь всегда были покупатели — их не смогла распугать даже сегодняшняя жара, потому что паровых булочек вкуснее не найти

во всём Чанчуне. Индивиды сидели на складных красных стульчиках, расставленных под деревьями так, что напоминали грибы в лесу, с удовольствием ели купленные бао из маленьких бамбуковых пароварок.

Я для вида изучила короткое меню, которое ещё в первую встречу с Мамашей выучила наизусть, оживила терминал и подключилась к хот-споту палатки.

*Девочка-в-поиске-чудес: Добр*го бечера гос(пожа Бао, какой белок в номере два?*

Паровые булочки в парке Наньху: Доброго. Чистый тофу. Смесь с мучниками дешевле на юань

Девочка-в-поиске-чудес: Извѣните, т0фу на90ел, три шту/чки со сладкой фас+лью пожау2ста

Паровые булочки в парке Наньху: Белой или красной?

Девочка-в-поиске-чудес: Давайте 4то подо-ро^1е, у меня праздн!Зк=

Паровые булочки в парке Наньху: Тогда поздравляю. Четвёртая в подарок

Девочка-в-поиске-чудес: Ва; ши бао и так подаро% спасибо7

В ожидании я на несколько секунд перестала дышать.

Из завесы пара вынырнула женщина, от красоты которой у меня каждый раз ещё сильнее перехватывало дух. С абсолютно европейского